

АЛЕКСЕЙ ЛОСЕВ

**ДИКИЕ БОГИ
ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ
КРИТСКИЙ ЗЕВС**

ЯУЗА

Москва

УДК 398.21(38)
ББК 82.3(0)3
Л79

Лосев, Алексей Федорович.

Л79 Дикие боги Древней Греции. Критский Зевс /
Алексей Лосев. — Москва : Яуза-пресс, 2026. — 448 с.
ISBN 978-5-00155-910-8

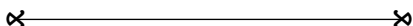
Свежий взгляд на античную мифологию.

Древнегреческий пантеон всегда удивлял своим хитро-сплетением взаимоотношений и взглядом на мир. Но что, если изначально боги были дикими и безудержными в своей жестокости? Что, если они порождали новое с той же первобытной страстью, что и уничтожали?

Автор, профессор Алексей Лосев, предлагает читателю новый подход к изучению мифов Древней Греции, опираясь на первоисточники. В первой книге подробно рассмотрено зарождение и развитие античного представления о самом могучем боге пантеона — Зевсе.

**УДК 398.21(38)
ББК 82.3(0)3**

ОТ АВТОРА

Предлагаемая вниманию читателей книга является попыткой наметить новые пути в подаче античной мифологии, которые не сводятся ни только на одно научное исследование, ни только на популярное изложение, как оно обычно понимается. Научное исследование в области античной мифологии обычно читается узким кругом специалистов. Кроме того, исследование по классической филологии требует от читателя не только знания первоисточников, знания нескольких языков, древних и новых, но еще и возможности сосредоточить в своих руках большое количество греческих и римских текстов, без владения которыми невозможно и думать об оценке и критическом восприятии такого исследования. С другой стороны, популярное изложение античной мифологии всегда понималось как пересказ для детей или для юношеского возраста античных мифов вне всякой их истории и толкования, с отбором этого материала в ограниченных условиях возрастного подхода и неизвестно, на основании каких источников, не говоря уже о больших дозах субъективного вкуса и писательской манеры излагателя. Не отрицая этих двух подходов к античной мифологии целиком и даже признавая их необходимость с известных точек зрения, автор предлагаемой книги избрал несколько другой подход к предмету.

Автор предлагает вниманию своего читателя не что иное, как именно первоисточники античной мифологии, т. е. с самого начала становится на путь научного исследования. При этом, однако, он старается строить свое изложение так, чтобы читатель мог сам вместе с ним пройти по всем запутанным ходам этих первоисточников, чтобы он мог критически освоить предлагаемые тексты первоисточников и делать свои собственные выводы независимо от автора. Конечно, если вооружиться знанием языков и надолго засесть в библиотеках, то можно найти большинство из этих текстов в филологических исследованиях, обзорах, руководствах, словарях и индексах, не говоря уже о самой античной литературе. В этом отношении автор шел навстречу читателю, стараясь всячески облегчить ему [возможность] овладеть этим безбрежным морем античных текстов. Вследствие этого для специалиста в предлагаемой книге многие материалы окажутся уже известными, уже подобранными и так или иначе проанализированными, но, повторяем, эта книга писалась не только для узких специалистов. Эта книга писалась для всякого образованного человека, который не успел или не сумел обратить достаточно серьезного внимания на античную мифологию, но который хотел бы не просто ограничиться сказками для детей, а еще захотел бы посмотреть, как эта античная мифология реально существовала в истории, в каком виде она появлялась, развивалась и погибала и как она была связана с умственными и жизненными интересами тогдашнего общества и человека.

Автор книги, конечно, дает известное освещение материалов и первоисточников со своей точки зрения. Поскольку, однако, в этой книге широко применяется

цитирование самих первоисточников, всякий читатель с некоторым гуманитарным образованием и с интересами в области литературы и истории вполне сможет уже и сам убедиться, насколько правильно толкование автора. Давая известное толкование мифам, автор предлагаемой работы считает свое освещение только одним из возможных подходов к античной мифологии. Свое толкование текстов из античной литературы он хочет рассматривать как призыв к свободной работе над ними, к творческому подходу к филологическим материалам.

Во вводной части работы автор знакомит читателя с тем подходом к античной мифологии, который, с его точки зрения, наиболее отвечает современному состоянию науки. Именно автор не мыслит античной мифологии вне строго проводимого историзма. Автор не мыслит античной мифологии вне ее связи с жизнью общества, с его материальными и духовными потребностями, с той или иной исторической базой. Автор считает такой подход к античной мифологии тем минимумом, без которого вообще нельзя о ней говорить как о научной дисциплине.

Но конечно, этот минимум не исключает, а, наоборот, предполагает и другие методы исследования, хотя бы, например, метод теоретико-литературный, эстетический, историко-культурный, сравнительно-мифологический, археологический, языковедческий и т. д. Пользоваться сразу всеми методами, которые только возможны при изучении античной мифологии, невыполнимо силами единого автора. Но известный минимум, необходимый для научной разработки предмета, здесь дается.

Две другие части работы имеют своей целью применить современную научную методологию на практике исследования двух больших, но совершенно конкретных

проблем античной мифологии. Это — проблема Зевса, но опять-таки не всего Зевса, которого невозможно охватить в одном томе, но только одного из архаических Зевсов, именно Критского, с тем чтобы показать, как на лоне дикой архаики постепенно создавались красивые и пластические образы античной мифологии и как они потом входили в античное сознание, чтобы сохраниться по крайней мере на два тысячелетия.

Далее — проблема Аполлона. Сначала в его общенародном развитии, а потом специально и в его литературном развитии. Мы рекомендуем читателю обратить особенное внимание именно на историко-литературное развитие античного Аполлона. Приводимые здесь тексты для многих античных писателей являются исчерпывающими или близкими к этому; особенно это проводилось в отношении поздних и менее известных писателей. Иной раз автору приходилось ограничиваться только главнейшими текстами. Именно здесь, просматривая эти многочисленные тексты, иной раз повторяющие друг друга или содержащие разного рода смысловые оттенки, читатель может сам судить о том, как развивался Аполлон, что создавалось нового в ту или иную эпоху и что повторялось из прежних эпох, как постепенно возникала традиция для тех или иных мифологических мотивов и концепций, как эта мифология после своего яркого расцвета постепенно падала, превращалась в литературный прием, становилась общей фразой. С другой стороны, в последние века античности пытались реставрировать богатое прошлое в целях борьбы с новыми религиями и их новой мифологией.

Материалы первоисточников даются и в пересказе, и с критикой, а часто в их точном переводе. В книге ис-

пользованы не только общеизвестные писатели вроде Гомера, трагиков, историков или философов, но и все малодоступные и никогда не переводившиеся ни на какие языки античные словари, все античные мифографы, у которых как раз и содержится систематическое изложение мифов с приведением множества всякого рода драгоценных деталей и вариантов. Так, целиком использованы Аполлодор, оба Гигина и все мифографы вплоть до так называемых Ватиканских мифографов, относящихся уже к VII в. н. э. Наконец, использованы все древние комментаторы античных писателей, так называемые схолиасты, от которых дошли до нас десятки объемистых томов комментариев. Особенно ценными оказались и потому наиболее использованы автором схолиасты к Гомеру, Пиндару, Эсхилу, Софоклу, Еврипиду, Каллимаху, Ликофрону и Вергилию. Ни один приводимый автором античный мифологический мотив не остался без подкрепления цитатами из одного или из нескольких первоисточников.

Автор предлагаемой книги, переполненной античными материалами, конечно, не мог выражать на каждом шагу свое критическое к ним отношение. Критика источников — это специальная область, требующая для себя также и специального исследования. Тем не менее автор много думал над каждым источником, прежде чем использовал его в подобающем ему месте. Читатель сам убедится, что поздние авторы в целях реставрации старинной мифологии часто пользуются как раз наиболее старыми мифами. Это весьма ощутительно выступает особенно в историко-литературных частях работы, где фигурирует не та или иная догадка автора, но конкретный текст со своим вполне определенным содержанием. Но и без этого автор всегда старался отделить в позднем

источнике черты, связанные с его поздним появлением, и дойти до того зерна, которое сохранилось с древних времен. Это и есть критика источников, которой автор постоянно пользовался, хотя ее систематическое проведение и не входило в его задачу.

В заключение необходимо сказать, что античная мифология является слишком сложным и мало разрабатываемым у нас предметом, чтобы автор мог надеяться на окончательное разрешение в его книге тех или иных проблем. Стремясь к возможной полноте приведения материалов и их интерпретации, автор всегда прекрасно сознавал и невозможность охватить предмет целиком, и предварительность своих построений. Упущения и всякого рода недостатки могут оказаться в любом месте предлагаемой работы. За указание их автор заранее благодарит читателя.

Введение

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ

НЕОБХОДИМЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

1. МИФОЛОГИЯ И ОБЩИННО-РОДОВАЯ ФОРМАЦИЯ

1. Недостаток традиционных изложений.

Основным вопросом настоящего исследования является связь мифологии с общественно-экономической формацией, очень часто игнорируемая во многих работах и руководствах. Даже лучшие наши учебники по древней истории иногда излагают античную мифологию в заметном отрыве от породившей ее исторической среды, так что остается совершенно непонятным, почему люди в течение столь продолжительного времени могли мыслить мифологически и для чего им понадобилось такое странное представление о мире.

2. Почему первобытный человек переносил на природу свои общинно-родовые отношения? Человеку, жившему в условиях первобытно-общинного строя,

были понятными и наиболее близкими только общинно-родовые отношения. На основании этой понятной ему действительности он и рассуждал о природе, обществе и обо всем мире. Наиболее убедительным для него объяснением природы было объяснение с помощью родственных отношений. Вот почему небо, воздух, земля, море, подземный мир — вся природа представлялась ему не чем иным, как одной огромной родовой общиной, населенной существами человеческого типа, находящимися в тех или иных родственных отношениях и воспроизводящими собой первобытный коллективизм первой в истории общественно-экономической формации. А это и есть не что иное, как мифология, зародившаяся и процветавшая именно на ранних ступенях первобытнообщинного строя.

3. Традиционное объяснение мифологии. Обычное объяснение мифологии сводится к тому, что она есть продукт незрелого мышления, далекого от установления и использования законов природы. Однако само это состояние мышления требует для себя объяснения. Остается непонятным, почему вдруг понадобилось человеку привлекать для объяснения природы и общества столь странные методы. Ведь всякое объяснение есть сведение непонятного на понятное. Но почему же вдруг оказалось понятным, что Солнце есть бык, а Луна — корова или что гром и молния не есть просто гром и молния сами по себе, но — орудия в руках Зевса или Юпитера? Наши историки приводят такого рода мифы десятками, но никто не отвечает на вопрос, почему все эти фантастические вымыслы были в свое время (и притом в течение тысячелетий) объяснением природы и общества для всех тех, кто тогда задумывался о причинах происходящего.

4. Абстрактно-метафизический характер обычного взгляда на первобытное одушевление природы. Точно так же ничего не говорят обычные рассуждения о том, что первобытный человек одушевлял природу, обожествлял природу, пользовался антропоморфизмом и т. д. Прежде всего совершенно непонятно, почему это вдруг понадобилось ему одушевлять или обожествлять природу. То и другое вовсе не есть такое уж простое миропонимание, которое было бы понятно само по себе.

Говорить просто об одушевлении или обожествлении весьма недостаточно. Ведь силы природы здесь не только одушевлены, но, будучи одушевленными, находятся между собой в очень определенных взаимоотношениях. А иначе получается одушевление совершенно не мифологическое, совершенно абстрактное. Тут одушевляются не просто отдельные предметы, существа, но именно те, которые находятся между собой в известной связи, в родственных отношениях, являются друг для друга родителями или детьми, братьями или сестрами, дедами или внуками, предками или потомками; и, кроме того, все вместе они образуют универсальную родовую общину, основанную на первобытном стихийном коллективизме. Вот эта-то конкретность и теряется из виду, когда говорят о всеобщем одушевлении, антропоморфизме, анимизме, политеизме и т. д.

5. Первобытный стихийно-нерасчлененный коллективизм как источник формирования мифологии. Только привлечение самой родовой общины первобытных времен для целей понимания мифологии может разрешить все эти обычно остающиеся неразрешенными загадки. Только приняв во внимание первобытный стихийный коллективизм ближайших родственников как нечто мак-

симально понятное для тогдашнего мышления, мы можем уловить, понять скрытые пружины этого мышления, его внутреннюю логику и его столь чуждые для нас результаты. В самой родовой общине нет ничего мифологического и нет ничего чудесного, волшебного или магического. Но стоило только перенести общинно-родовые отношения на природу (а не переносить их на природу первобытный человек не мог, поскольку она была для него единственно близкой и понятной), как вся природа вдруг становилась мифической и магической, вдруг наполнялась живыми существами, но по своей огромности и силе уже бесконечно превосходившими человека и потому часто получавшими вид всякого рода чудовищ и страшилищ.

6. Перенесение на природу общинно-родовых отношений в их исторической конкретности. Мифологию весьма неохотно понимают как перенесение на природу общинно-родовых отношений. В тех же случаях, когда это признается, оно понимается большей частью буквально и грубо, как простое повторение обычных земных отношений. Но в самой родовой общине и в самих кровнородственных отношениях первобытного общества, в самом коллективизме того времени вовсе нет ничего мифологического, т. е. нет ничего чудесного или магического. Если Гефест есть только кузнец, перенесенный с земли на небо, то в нем нет ровно ничего мифологического, как и в обыкновенном кузнеце на земле. И если Деметра есть организатор земледелия, то и она не имеет никакого отношения к мифологии, как не имеют к ней отношения и все земные организаторы и руководители земледелия.

Марксистско-ленинская теория учит, что мифология есть мышление на определенной ступени человеческого развития, а мышление невозможно без обобщения.

Марксистско-ленинская теория говорит о единстве языка и мышления. Ленин отмечает: «Всякое слово (речь) уже обобщает» («Философские тетради», 1947, стр. 256).

«Миф» по-гречески и значит не что иное, как «слово». Миф, следовательно, есть всегда то или иное обобщение, и те существа, о которых повествует мифология, всегда являются тем или иным обобщением, поскольку им как чему-то общему всегда подчиняется определенная область действительности как совокупность того или иного множества или даже бесконечного числа частных явлений.

Ленин подчеркивает: «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть отдельное существо. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым... Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (понятия) с нее не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность превращения (и притом незаметного, не сознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (в последнем счете = бога)» («Философские тетради», стр. 307).

В этих словах Ленина выражена вся сущность мифологии как системы первобытного мышления. Первобытный человек, перенося общинно-родовые отношения на всю природу и мир, мыслил эти отношения в уже обобщенном виде. Но род еще не мыслится здесь отвлеченно, т. е. дифференцированно-логически. Род есть тут пока бесконечное объединение предков и потомков. Перенесенный в таком виде на природу и мир и в то же время играющий роль логического общего понятия, он и является мифологией, т. е. тем или иным богом, демо-

ном или героем, которые являются обобщением определенной области действительности и которым так или иначе подчиняются частные явления этой области действительности.

7. Буржуазные теории мифологии. Мифология, таким образом, не является каким-нибудь случайным и новым привеском первобытного мышления, но есть необходимая идеология вообще всей общинно-родовой формации.

Марксистско-ленинское понимание мифологии помогает пониманию односторонности и уродливости буржуазных теорий мифа (солярная, антропологическая, фрейдистская и пр.), всегда выдвигающих на первый план какой-нибудь один абстрактный момент человеческого мышления или восприятия жизни вместо обобщенно данной, конкретной и живой исторической действительности общинно-родовой формации.

У нас иной раз говорят, что солярная теория основана на абсолютизировании зрительного восприятия неба и что поэтому она слишком абстрактна для первобытного мышления. Это совершенно правильно. Но абстракцией чего является это зрительное восприятие? Говорят, что зрительное восприятие, взятое само по себе, слишком изолировано и слишком далеко от цельного человека. Но от чего именно оно изолировано и что это за цельный человек был в первобытные времена? Вот тут-то и нельзя обойтись без привлечения первобытной родовой общины в ее целом, во всем характерном для нее коллективизме средств, орудий производства, во всем коллективизме распределения труда и распределения его продуктов. А кроме того, зрительное восприятие еще не есть мышление и совсем не обладает теми обобщительными функциями, которые необходимы для всякого мифологиче-

ского мышления. Такой же критике необходимо подвергать и другие буржуазные теории мифологии, и прежде всего популярную на Западе психологическую теорию Леви-Брюля.

II. МИФОЛОГИЯ В ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОМ СТАНОВЛЕНИИ

1. Традиционное представление мифа в виде того или иного неподвижного образа. Другим основным принципом нашего исследования является рассмотрение мифологии не как неподвижной картины, пусть хотя бы и прекрасной, но как вечно становящегося человеческого мышления, отражающего собой такую же текучую, такую же беспокойную и творчески развивающуюся историческую действительность.

Обычно большинство представляет себе Аполлона красивым юношей с артистической наружностью и с лирой в руках, Афину Палладу — как деву-воительницу, Афродиту — исполненной женственности и привлекательности и т. д. Историческое исследование обнаруживает, что все такого рода образы относятся далеко не ко всем эпохам античного мира, а только к некоторым и даже являются иной раз достоянием какого-нибудь одного, определенного периода.

2. Общая линия и периоды мифологического развития. Постараемся проследить каждый мифологический образ, начиная с его зародышевого состояния, переходя к его развитой и цветущей форме и кончая его разложением, внутренним опустошением и гибелью.

Все эти образы рассматриваются не изолированно, но как элементы более или менее обширных периодов

общего мифологического развития греков. В связи с этим устанавливается: 1) древнейшая дофессалийская основа античной мифологии, порожденная еще периодом матриархата, или, употребляя термины археологии, периодом палеолита и неолита; далее — 2) фессалийская основа в связи с восходящим патриархатом и централизацией мифологии вокруг горы Олимп и переходом от старинной титанически-циклопической архаики к художественно развитому и героическому антропоморфизму; 3) в дальнейшем, в связи с разложением общинно-родовой формации, — изнеженные и утонченные (имея в виду разложение родовой знати) формы героизма, после чего наивная мифология гибнет и переходит в натурфилософию, продолжая, однако, 4) играть огромную служебную роль в качестве художественной формы для рабовладельческой идеологии (греческая классика) и для декаданса умирающей античности (эпоха эллинизма).

Таким образом, античная мифология рассматривается решительно во всех периодах ее развития, без малейшего принижения одного периода в сравнении с другим.

3. Древнейшая эпоха. Ввиду засилья разного рода буржуазных теорий приходится особое внимание обращать именно на эти начальные периоды и давать им более подробную характеристику.

Как только появился человек, т. е. как только в развитом животном организме забрезжил свет сознания, так уже появились и все основные логические категории мышления, как бы низко ни было развито это первобытное мышление. Вопрос может стоять только исторически: когда, где и как развивается человеческое мышление, т. е. когда, где и как оно расчленяется, дифференцируется, осознается, т. е. когда, где и как начинают более

раздельно функционировать те или иные его категории, которые до того были в состоянии нерасчлененном, расплывчатом, несамостоятельном?

В те или иные эпохи выступают особенно заметно одни категории и не выступают другие.

Начальный период первобытного мышления с этой точки зрения весьма интересен. Человек здесь еще не выделился из природы, в нем еще очень плохо отчленяется «я» и «не-я». Человек здесь еще не осознает себя более или менее самостоятельной субстанцией, но скорее только атрибутом, или, попросту говоря, одним из внешних признаков природы. Такое состояние начального мышления зависит от состояния производительных сил первобытного общества, которое тоже сначала всецело находится в зависимости от окружающей среды.

4. Собираательно-охотничий период. Исследователи часто сбиваются на абстрактное понимание первобытного общества и ограничиваются простым указанием на низкое состояние производительных сил в это время. Однако здесь нельзя ограничиться только указанием на низкое состояние производительных сил (низким оно было после этого еще несколько тысяч лет). Энгельс дает в этом отношении четкое определение: производительные силы в этот период находятся на уровне собирательно-охотничьей экономики. Так понимаемые производительные силы первобытного общества в конкретной форме обрисовывают зависимость человека от природы, наличествующие тут взаимоотношения «я» и «не-я» и отсутствующую здесь в расчлененном виде категорию субстанции.

5. Оборотническая логика. Первоначально понятие субстанции еще не выделилось из общей смутной и нерасчлененной сферы человеческого мышления и созна-

ния. Человек еще не находит этой субстанции ни в чем окружающем. Но отсутствие подобной категории характерно только для его логического мышления, но не для жизненной его ориентации (в последнем случае даже животные вполне расчленяют предметы и так или иначе ими пользуются). Но что же получается в результате такого неразвитого функционирования категории субстанции?

Получается то, что ни в какой вещи человек не находит ничего устойчивого, ничего твердо определенного. Каждая вещь для такого сознания может превращаться в любую другую вещь, и каждая вещь может иметь свойства и особенности любой другой вещи. Другими словами, всеобщее, универсальное оборотничество есть логический метод такого мышления. Здесь отражалась нерасчлененность первобытного коллектива, безусловная и всесторонняя зависимость индивидуума от его родовой общины¹. Не отчленяя себя от своего коллектива, первобытный индивидуум мыслил и самого себя, и всякий вообще индивидуум в состоянии быть носителем любых качеств и свойств любых других индивидуумов и даже всего коллектива.

И это было прогрессивно, потому что до этого не было еще² совсем никакого мыслительного расчленения предмета, а была только звериная, чисто инстинктивная ориентация в окружающей среде.

6. Природа оборотничества. Отдельный человек не отделял себя ни от своей общины, ни от природы. Он мыслил себя носителем сил этой общины и этой природы. А раз он носитель не только своих собственных сил,

¹ Так в первом изд. Возможно, пропущена часть фразы.

² В первом изд.: уже.

но и всего другого в той или иной мере, в тех или иных размерах, это значит, что он может мыслить себя каким-нибудь другим индивидуумом (одним или многими), мыслить себя носителем его сил и находиться во власти иллюзий такого перевоплощения, или оборотничества. Таким образом, разгадка первобытной оборотнической логики, а также и разгадка всего чудесного и волшебного в первобытном мышлении заключается в материальных основах первобытного общества, в стихийном коллективизме собственности, труда и распределения продуктов труда среди ближайших родственников по крови.

7. Стихийно-множественная семантика мифа. Не следует удивляться тому, что наши источники, которыми мы располагаем, приписывают той или другой мифологической фигуре множество весьма разнообразных признаков и свойств. Зевс оказывается и небом, и землей, и воздухом, и морем, и подземным миром, и быком, и волком, и бараном, и орлом, и человеком, а иной раз просто жуком или каким-нибудь геометрическим телом. Аполлон тоже и свет, и тьма, и жизнь, и смерть, и небо, и земля, и баран, и волк, и мышь, и еще сотни всяких предметов и явлений. Здесь господствует принцип «всё есть всё» или «всё во всем». Это естественно для так называемого стихийного коллективизма, т. е. первобытной нерасчлененности индивидуума и общества или индивидуума и природы, перенесенной на всю природу. Отдельный индивидуум мыслит себя носителем каких угодно сил, т. е. мыслит себя и все прочее магически.

8. Позднейшая эпоха. Производящий характер ее хозяйства. Выше говорилось о самой начальной ступени мифо-мышления, когда человек сознавал себя только пассивным орудием природы и когда производительные силы, т. е. сам

человек с орудиями производства, не могли четко противопоставить себя окружающей природе. Оборотничество исчезает, как только человек начинает резко и принципиально различать «я» и «не-я», т. е. когда он не растворяется в природе, но себя ей противопоставляет и когда каждая вещь становится для него тем самым твердо определенной вещью, допускающей одни свойства и исключающей другие.

Теперь производительные силы общества находятся на уровне не просто собирательства и охоты, но производящего хозяйства. Человек уже постигает конструктивно-технический принцип данной вещи или данного явления природы, отделяя тем самым идею вещи от самой вещи, и уже может пользоваться принципом этой вещи или этого явления для того, чтобы сознательно создавать, производить для собственного потребления.

9. Переход от фетишизма к анимизму. Что же возникает в мифологии в результате упомянутой дифференциации вещей и явлений? Что возникает в результате отделения идеи вещи, или, выражаясь мифологически, демона вещи, от самой вещи? В мифологии здесь впервые появляются индивидуальные образы со своим собственным субстанциальным содержанием и со всеми своими второстепенными и третьестепенными свойствами и атрибутами. Раньше Афина Паллада была чем угодно; теперь же она богиня войны, художественно-технической мудрости и крепко организованной патриархальной общины. Теперь она уже не сова и не змея, но то и другое становится теперь ее атрибутом. Зевс теперь уже не просто гром и молния; он — блюститель героического порядка, и для него гром и молния — только атрибуты. Раньше Гефест был самым огнем и массой других пред-